

Он услышал, как Цан Ицзин сказал:

— Сдержанно и завуалированно, даже твой дедушка подумал, что это просто подарок джентльмену. Ты тогда в Пекине, наверное, очень скучал по мне? Поэтому, как вернулся, сразу занялся со мной любовью.

Он два года ждал, пока маленький господин остынет, и не раз терял надежду. Но, вспоминая ту ночь и коробку с белыми магнолиями, а затем увидев этот синий цвет в Гонконге, он сказал себе, что ожидание обязательно будет вознаграждено. Чем сильнее подавление, тем мощнее взрыв.

Он открыл кран, вымыл руки, вытер их.

Затем обнял Чжун Жуйчжи, и когда их губы соприкоснулись, Чжун Жуйчжи ещё не пришёл в себя.

Какие мягкие губы у Цзин Гэ.

Какой же он плохой, так вот сразу и проник, так дразнит, какой же он плохой...

Чжун Жуйчжи, целуясь с ним, чувствовал, как всё вокруг кружится, не слышал звуков, видел только его ресницы так близко.

Как же... он обманывает?

Разве мы не договорились... что всё кончено?

Почему... он снова меня целует?

Разве у него... нет невесты?

Он не помнил, отвечал ли он на поцелуй. Он никогда не целовался с другими и никогда не думал о том, чтобы целоваться с кем-то ещё. Ему казалось, что он уже забыл, каково это — целоваться.

После расставания с Цан Ицзином он понял, что не так уж эмоционален и не склонен легко влюбляться в других.

Даже желания почти не было.

Но этот поцелуй мгновенно пробудил его воспоминания.

Человек, который два года не имел близких отношений, два года назад любил мужчину.

Теперь, встретив его снова, всего лишь один поцелуй чуть не заставил его снова влюбиться.

— Блюдо готово? — раздался голос Чжун Хунцзя.

Чжун Жуйчжи очнулся, оттолкнул Цан Ицзина, слегка наклонился и прикрыл губы тыльной стороной ладони.

Дверь на кухню открылась, Чжун Хунцзя заглянул внутрь:

— Не съешьте всё сами.

Они действительно что-то "ели", но не блюдо.

— Что с Жуйчжи? — Он увидел, что лицо Чжун Жуйчжи покраснело, он прикрывал рот рукой и выглядел смущённым.

Цан Ицзин же был совершенно спокоен, улыбнулся:

— Прожорливый кот обжётся.

Чжун Хунцзя взглянул на суп на столе и рассмеялся:

— Ты уже взрослый, а хуже моего сына.

Он действительно обжётся, но виновником был не суп.

Брошь всё ещё была в его руке, Чжун Жуйчжи кивнул, закашлялся, притворившись, что подавился горячим супом, затем слегка повернулся и положил брошь в карман брюк.

Казалось, нет ничего, чего бы Цан Ицзин не умел делать. В деревне Цюаньчжуан он тоже готовил для Чжун Жуйчжи, делал две порции: одну для него, другую для Жо Мэй.

Сегодня он быстро приготовил целый стол блюд, Чжун Хунцзя с женой и ребёнком восхищались его кулинарными навыками.

Даже тётя хвалила его.

Только Чжун Жуйчжи молча ел, почти не разговаривая.

Он был очень зол: [Только я называл его мужем... что это значит? В конце концов... есть... у него красивая невеста или нет? Если есть... то зачем он тогда ко мне пристаёт, хулиган! И... и что за Eternal Love? Посадить бы его!]

Но... если нет женщины... тогда... что делать?

Снова... поцеловал...

Поцеловал...

Не только поцеловал, но и я сам...

Креветочные пельмени... такие вкусные.

Тушёный морской окунь тоже вкусный.

Разве на столе есть что-то невкусное? Даже зелень сладкая.

В кармане лежала брошь, тяжёлая.

После ужина Чжун Хунцзя и Цан Ицзин немного поговорили, и Цан Ицзин собрался уходить.

Чжун Жуйчжи держал за руку племянника и вместе с Чжун Хунцзя и его женой стоял у двери, провожая его.

Чжун Жуйчжи думал, что Цан Ицзин предложит завтра пойти куда-нибудь, но тот ушёл, так ничего и не сказав.

Честно говоря, если бы он это предложил, Чжун Жуйчжи, возможно, почувствовал бы неловкость, но он ничего не сказал, и Чжун Жуйчжи остался только с разочарованием.

Ты что, не скучаешь по мне?

Почему не пристаёшь ко мне?

На следующей неделе Чжун Хунцзя показал ему Гуанчжоу, а затем позвонил Чжун Чжоуцзюню, чтобы тот приехал повидаться с сыном.

Несколько развлекательных заведений и отелей Чжун Чжоуцзюня были в Гуанчжоу, и он с радостью приехал повидаться с Чжун Жуйчжи.

Они говорили полдня, и он заявил, что никогда не разведётся, мать просто капризничает, какой там американский первый любовник, он же не такой красивый, как я.

Чжун Жуйчжи любил общаться с отцом, услышав, что он не разведётся, сразу обрадовался.

— Когда дела здесь уладятся, — сказал Чжун Чжоуцзюнь, — и дед перестанет злиться, я вернусь в Пекин.

Из аэропорта Гуанчжоу Байюнь есть рейсы в Тяньцзинь, так что добраться из Гуанчжоу в Пекин довольно удобно.

Чжун Жуйчжи спросил:

— А когда это будет?

— Изначально должно было быть скоро, — сказал Чжун Чжоуцзюнь. — Твой старший брат знает, тот парень из Хэбэя, высокий, такой хитрый, всё время мне палки в колёса ставит.

Чжун Хунцзя улыбнулся и покачал головой.

Чжун Жуйчжи сказал:

— Может, уступишь ему?

Чжун Чжоуцзюнь усмехнулся:

— Если на коленях попросит, может, подумаю.

Чжун Хунцзя сказал:

— Будь осторожен, если он тебя подставит, приезжай ко мне в Америку. Когда Жуйчжи закончит учёбу, тётя тоже поедет с ним.

Чжун Хунцзя и Яо Мянью не очень ладили, он называл её тётей.

— Ты что, не веришь в своего отца? — сказал Чжун Чжоуцзюнь. — Сейчас в Синьхуа Тунсинь главный я, он работает на меня.

Но из-за того, что частный инвестиционный фонд Цан Ицзина контролировал инвестиционные тенденции во всём Гуандуне, инвестиционная среда стала менее прозрачной.

Проще говоря, неограниченное расширение таких частных инвестиций нарушало правила игры.

Чжун Чжоуцзюнь держал деньги, но не решался инвестировать.

Он не понимал, что за человек Цан Ицзин, сколько людей за ним стоит, сколько у него денег, насколько велика его игра.

Спекулятивные инвестиции просто отправляли деньги в его карман, как и те деньги, которые он дал Чжоу Шэну и Лу Хэ для пробы.

— Может, просто будь с ним добрее, — сказал Чжун Жуйчжи. — Преврати врага в друга, вместе зарабатывать деньги — это же хорошо.

Чжун Чжоуцзюнь ответил:

— Пусть твой брат поговорит с ним, чтобы он включил меня в свой частный фонд.

Чжун Чжоуцзюнь, имея деньги, помимо золотых слитков Чжун Жуйчжи, имел и свои собственные средства, а также деньги от продажи компании, которые он мог бы инвестировать в Китай.

В таких семьях, как их, бизнес был по всему миру, дед злился на Чжун Чжоуцзюня за то, что он даже деньги Чжун Жуйчжи не пожалел, но понимал его характер. Он был безнадежным неудачником сорок с лишним лет, и теперь, с открытостью, он рвался сделать что-то большое на юге. Дед хотел его подстегнуть, но не собирался отказываться от южного рынка.

<http://tl.rulate.ru/book/5573/197281>